

Н. М. ДЫЛЕВСКИЙ (София)

**ТРЕХСОТЛЕТИЕ ПЕРВОГО ПЕЧАТНОГО ИЗДАНИЯ „ЖИТИЯ
ИОАННА РЫЛЬСКОГО“ БОЛГАРСКОГО ПАТРИАРХА ЕВФИМИЯ
ТЫРНОВСКОГО (1671—1971)**

Вещи и книги, подобно людям и народам, имеют свою историю, свою судьбу. Свою историю и судьбу имеет и агиографическое повествование о жизни национального болгарского святого Иоанна Рыльского, вышедшее из-под пера крупнейшего книжного деятеля болгарского средневековья и основоположника Тырновской школы патриарха Евфимия.

В силу трагично сложившейся исторической обстановки в землях балканских славян в конце XIV столетия, совпавшей со временем предполагаемого написания жизнеописания Иоанна Рыльского, ему суждено было получить более широкое распространение в печатном виде лишь спустя триста лет. Крушение национальной культуры и невозможность осуществления собственного книгопечатания обратили взоры и надежды порабощенного болгарского народа на Север, откуда к нему в печатных церковных и богослужебных книгах пришли начатки книжного просвещения. О роли и значении славяно-русской печатной церковной книги, донесшей в своем церковнославянском языке кирилло-мефодиевскую языковую традицию в болгарские земли, сказано и написано достаточно много.¹ На них я не буду останавливаться, удовлетворившись отсылкой любознательного читателя к соответствующим публикациям. Позволю себе лишь отметить, что в числе книжных изданий московской и киевской печати в руки тогдашнего болгарского читателя попал и имевший хождение в рукописных книгах, ограниченный в своем распространении вследствие этого, житийный труд Евфимия Тырновского. Вышедшему в старинной Киево-Печерской типографии украинского Киева печатному воспроизведению житийного сочинения историческими обстоятельствами было определено стать частичным распространителем книжного наследия патриарха Евфимия в России, на Украине и в какой-то мере в Болгарии.

Достойно внимания, что заслуга появления печатного издания произведения Евфимия Тырновского принадлежит двум деятелям украинского

¹ Общий обзор этой роли, снабженный обширной библиографией, дан в книге М. И. Слуховского. Из истории книжной культуры России. Старорусская книга в международных культурных связях. М., 1964. с. 13—39, 155—164.

народа конца XVII в., не имевших, казалось бы, ничего общего по роду своих занятий. Первый из них — известный в свое время украинский церковный писатель, лаврский проповедник и наместник Антоний Радивилловский,² другой — стяжавший себе громкое имя на военном поприще переяславский запорожский полковник Думитрашко,³ речь о которых будет впереди.

Ознакомление с описаниями русских книгохранилищ и с другими материалами из истории культурных связей Руси—Украины с Балканскими странами в средние века дает основание заключить о распространении культов и агиографии южнославянских святых, среди них и Иоанна Рыльского, на Руси—Украине поздно, преимущественно в период второго южнославянского влияния, может быть, при митрополите Киприане.⁴ Во всяком случае, до XV столетия нам почти не встретилось их памятней и житий в описаниях древнерусских книжных собраний. До окончательного же выяснения этого вопроса в силе остается установленное современными исследователями, впредь до его опровержения или уточнения новыми находками.⁵ Что касается „Жития Иоанна Рыльского“ Евфимия Тырновского, то оно, будучи составлено в Болгарии во второй половине XIV в., попало на Русь и Украину еще позднее. Последнее относится в особенности к версии „Жития“ с Повестью Владислава Грамматика, появившейся не ранее 1469 г., т. е. во второй половине XV в.

Проникая на Русь и Украину с балканского Юга в эпоху Средневековья, произведения южнославянской агиографии постепенно заняли прочное место в репертуаре древней письменности. С течением времени они канонизировались и окончательно вошли в церковно-богослужебный обиход, став в конечном итоге достоянием не только литургической практики, но и более широкого круга церковно-начитанных людей. Наличие произведений южнославянской житийной литературы в рукописных прологах, четьях-миняях, богослужебных сборниках, следованных псалтырях, месецесловах, пришедших из южнославянских стран (и прежде всего из Болгарии) и списывавшихся и переделывавшихся русскими книжниками, способствовало их распространению, популяризировало их. При чтении их у читателей и слушателей утверждалось сознание племенной и культовой близости с народами, из среды которых вышли персонажи этих агиографических произведений. Это обстоятельство послужило причиной того, что наряду с отечественными подвижниками на Руси и Украине получили известность и ю ж н о с л а в я н с к и е, и среди них и И о а н н Р ы л ь с к и й. Таким образом, по своеобразной исторической диалектике

² Об Антонии Радивилловском см. М. Марковский. Антоний Радивилловский, южнорусский проповедник XVII века. — Киевские университетские известия, XXXIV, 1894, № 4, 7, 9, 10.

³ А. М. Лазаревский. Очерки малороссийских фамилий. П. Думитрашки-Раичи. — Русский архив, 1875, кн. II, с. 402—405. А. Стороженко. Родион Григорьевич Думитрашко, полковник переяславский. — Киевская старина, т. XLI, апрель 1893, с. 1—28.

⁴ В синаксаре к Псалтыри митрополита Киприана (типа следованной) в памятях южнославянских святых наличествует и имя Иоанна Рыльского. Срв. И. Мансветов. Митрополит Киприан и его литургическая деятельность. Историко-литургическое исследование. М., 1882, с. 73.

⁵ В. А. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРЛ, т. XIX, 1963, с. 59, 69, 80, 100 (с упоминанием житий Иоанна Рыльского и некоторыми соображениями о времени появления его житий и утверждении его культа на Руси).

произведениям южнославянской агиографии выпала роль проводников идей племенного родства и общности с потерявшими в XIV—XV вв. национальную независимость славянами Балканского полуострова. Вопреки их узко-культовому облику им было суждено превратиться в факторы более широкого, общенационального масштаба. И вот это делало их своего рода стимулами национально-общественного развития той эпохи.⁶

Шли века... И вот спустя без малого три столетия, в конце XVII в., в 1671 г., ровно триста лет назад, плод пера именитого тырновского книжника Евфимия обрел свое новое рождение в печатном виде... Книга эта, изданная стараниями известного украинского писателя Антония Радивиловского и иждивением запорожского полковника Думитрашко в типографии Киево-Печерской лавры, оказалась первой по времени публикацией житийного труда Евфимия Тырновского, продолженного в конце XV в. Владиславом Грамматиком. Печатное воспроизведение „Жития Иоанна Рыльского“ (вместе со „Службой“ ему) сделало его достоянием более широкого круга читателей и возвратило в новом облике в пределы отечества после пройденного им долгого и извилистого пути из дали веков.

Начнем с внешности издания, как окончательного завершения редакторского труда и полиграфического оформления. Книга — в осьмину листа (18,50 × 13 см в среднем), церковнославянской печати (цицера), по 18 строк на странице, содержит 11 печатных листов по восьми страниц. Начинается она титульным листом, велеречиво гласящим по обычаю того времени: „Преподобнаго отца нашего Иоанна Рыльского житие и вся служба... Первое типом изобразися и Миру объявленна... В лето от Рождества... Христа 1671“ (с упоминанием архимандрита „... Великия и чудотворныя Лавры Киево-Печерския“ Иннокентия Гизеля). За титульным листом следует лист с гербом „Его милости пана Думитрашка Радиона Рачи“, представляющим щит, увенчанный крестом, с подковой и полумесяцем под ней, обрамленный растительным орнаментом и заглавными литерами имени Думитрашко и его воинского звания. Тексту книги предпослано „Предословие“ Антония Радивиловского, посвященное „Благородному и благочестивому его милости пану (Ир) Радиону Думитрашку“. В „Предословии“, составленном в высокопарных выражениях, пан Думитрашко изображается весьма благочестивым и набожным человеком, имеющим „теплейшую любовь и благоговение“ к Иоанну Рыльскому и „благодатью“ ко „всем духовнаго чина людем“. Далее говорится, что Думитрашко позаботился о „добром исправлении“ „Службы“ и „Жития“ и дал „иждивение“ на отпечатание книги в лаврской типографии. Щедро растачаемые Радивиловским похвалы не останавливаются на этом. Не забыты были и воинские доблести и подвиги храброго полковника, „мужественно исходившего против врагов“. В конце упоминаются его благодеяния к „людем иноческого чина“ и к Киево-Печерской обители. Словом, на помощь себе Радивиловский привлек целый арсенал риторико-схоластических приемов и средств церковного красноречия, без которых в то время не могло обойтись ни одно порядочное посвящение. Однако, в ряд

⁶ Н. М. Дылевский. Жития Иоанна Рыльского русских древлехранилищ и их болгарские источники (Краткие заметки к материалам и задачи дальнейшего исследования). — ТОДРЛ, т. XXIII, 1968, с. 276—292.

ли можно сомневаться в том, что словесный портрет Думитрашко, мастерски нарисованный ученым киевским проповедником по всем правилам тогдашнего витийства, в действительности отнюдь не во всем соответствовал подлиннику, что достаточно красноречиво подтверждают отдельные моменты биографии Думитрашко. Да Радивилловский и не мог представить его иным. Этого неотменно требовал этикет, установившийся в писании подобного рода „Предословий“ и посвящений. Кроме того, совершенно естественно, что честолюбивый Думитрашко (о чем достаточно ярко свидетельствует его биография) по обычаю своего времени был внешне набожным человеком, делавшим вклады в церкви и монастыри и любившим общаться с лицами духовного звания. Косвенным указанием на это может служить внесение его имени в Помянник болгарского Зографского монастыря на Афоне в 1666 г. и пожертвованное им в афонский Хилендарский монастырь в 1669 г. на престольное евангелие дьвовской печати 1644 г.⁷

Непосредственно за „Предословием“ помещена церковная „Служба“ Иоанну Рыльскому т. н. „Средческого типа“, в которой Иоанн Рыльский именуется „Средческим светильником“ (Средец — средневековая София), „в Средци воссиявшим“ и т. д. Особенностью „Службы“ является то, что обычный синаксари (краткое изложение сути праздника или жизни чествуемого святого), помещаемый обычно после шестой песни канона (как, например, в Драгановой Минее XIII в. болгарского монастыря Зограф на Афоне⁸), заменен „Житием“ Иоанна, принадлежащим перу Евфимия Тырновского в несколько особой редакции. В тексте „Жития“ выпущены целые абзацы, сделана вставка из пространного проложного „Жития“, а заканчивается оно кратким извлечением из „Повести“ о перенесении останков Иоанна Рыльского из Тырново в Рилу Владислава Грамматика 1469 г.⁹ В заголовке „Жития“ Евфимий ошибочно назван „архиепископом Сардакийским“ (т. е. Софийским), каковым он в действительности никогда не был.¹⁰

Никаких вполне определенных текстов, послуживших источником заимствования для Радивилловского, мы сейчас указать не в состоянии. Можем только утверждать, что список „Жития“, которым мог воспользоваться Радивилловский, был не старше конца XV — начала или половины XVI в., а может быть, и более позднего времени. Хронологической вехой для нашего предположения служит наличие в конце „Жития“ „Повести“ Владислава Грамматика, составленной в 1469 г. Это обстоятельство ни в коем случае не позволяет согласиться с мнением П. А. Сырку о том, что рукопись (бывшая в руках А. Радивилловского) могла быть привезена в Киев еще Григорием Цамблаком.¹¹

⁷ Й. Иванов. Български старини из Македонија. С., 1931. с. 524; Н. М. Дылевский. Страница из истории болгаро-украинских культурных связей в конце XVII столетия. — В: Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски. С., 1960. с. 967.

⁸ Й. Иванов. Там же, с. 359.

⁹ Й. Иванов. Жития на св. Иван Рилски. С уводни бележки. — Год. Соф. Унив. Истор.-филол. фак., XXXII, 13, 1936, V—VI, с. 21—22.

¹⁰ Н. Дылевский. Рыльский монастырь и Россия в XVI и XVII веках. С., 1946. с. 115 и сл.

¹¹ Заметки о двух произведениях тырновского патриарха Евфимия. Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1883. с. 379.

Книга снабжена несколькими ксилографическими иллюстрациями, среди которых более специальный интерес представляют два гравированные на дереве изображения Иоанна Рыльского как образчики (вопреки своей конвенциональности) русско-украинской иконографии болгарского святого конца XVII в. Эти изображения были делом граверов лаврской типографии и были выполнены по рисункам типографских рисовальщиков — „изобразителей“, подготавливавших оригиналы для гравировки. Особенно много граверов и рисовальщиков в киево-печерской типографии было в конце XVII — начале XVIII в., т. е. как раз в годы выхода „Службы с житием“ Иоанна Рыльского (в 1671 г.). Одним из них был известный гравер на дереве монах Проконий, трудившийся в типографии в 1646—1672 гг. и, возможно, имевший отношение к нашему изданию. Организационный уровень типографии был весьма высок. Она находилась в ведении особого правителя — инока, помощниками которого, наблюдавшими за ходом работ, были два других монаха — типографский надзиратель и типографский блюститель. В типографии работали два наборщика, из которых один был метранпажем, выражаясь современным русским языком, были также корректор („корыктатор“, „столпоправитель“), два рисовальщика („изобразителя“) и два „батырщика“. Их обязанностью было накатывание типографскою краской или чернилами уже подготовленного к печати и поставленного в рамы наборного материала. Типография имела свою бумажную фабрику, находившуюся в монастырском имении Радомысле, и словолитню, обслуживаемую „писмолеятелем“. Эти данные, почерпнутые из „Умнологии“ 1630 г. киево-печерского издания, дают представление о печерской типографии как о достаточно упорядоченно устроенном полиграфическом заведении. Своим возникновением она обязана рачительности и трудам архимандрита Елисея Плетенецкого, создавшего ее, по всей вероятности, в 1606 г. Первой книгой, сохранившейся до нашего времени, напечатанной в Киево-Печерской типографии, был „Часослов“ 1616 г. Монастырское предание, однако, упорно называет ее первым изданием „Акафист“ празднику „Успения“, связываемый с 1606 г. Типографией в течение долгого времени ее существования был выпущен ряд ценных изданий, многие из которых проникли и на славянский Юг, в том числе и в земли Болгарии. Среди них в хронологическом порядке могут быть упомянуты: „Легіконъ славенорусскій и именъ толкованіе“ (1627 г.) Памвы Берынды, „Синописи, или краткое собраніе отъ различныхъ лѣтописцевъ о началѣ славяно-россійскаго народа“ (1680 г.) Иннокентия Гизеля и знаменитый труд Димитрия Ростовского (Даниила Туптало) — „Книга житій святыхъ“ (1689—1705 гг.), получивший широчайшее распространение и популярность в России, на Украине и в Болгарии в эпоху ее национального Возрождения, и др.¹² В продолжении почти трех столетий Киево-Печерская типография была щедрым и обильным источником, снабжавшим богослужбными и нрав-

¹² Подробнее об истории Киево-Печерской типографии см. Ф. Титов. Типография Киево-Печерской лавры. Исторический очерк (1606—1616—1916 гг.). Т. I. Киев, 1916, откуда почерпнуты приведенные в статье данные. См. также Н. М. Дилевски. Неофит Рилски и руската книга. — Бълг. език, 1961, кн. 2, с. 65.

ственно-поучительными книгами на церковнославянском языке весь славянский Юг и единоверные Валахию и Молдавию.¹³

Расцветом существования и деятельности Киево-Печерской печати были годы верховного руководства ею известного просветителя и деятеля украинской культуры XVII в. архимандрита Иннокентия Гизеля (1656—1683 гг.).¹⁴ Большой заслугой этого главного начальника типографии была забота о том, чтобы книги были напечатаны как можно лучше и сообразнее их предназначению были иллюстрированы. Одним из выдающихся изданий его времени был несомненно Киево-Печерский Патерик на церковнославянском языке с интересным Предисловием к нему Гизеля (1661 г.). С его именем и временем связано и первое печатное издание „Жития Иоанна Рыльского“ Евфимия Тырновского, появившееся на свет, по-видимому, не без его участия.¹⁵ Вот почему, говоря об этом издании, мы не можем не упомянуть и о Гизеле, как о заслуженном книжном деятеле, имеющем достаточные права на признательность потомства.

Об обстоятельствах, в которых появилось издание 1671 г., можем сказать следующее. В начале 1670 г. Киево-Печерская лавра переживала тяжелые моменты вследствие угрозы татарского нашествия, в типографии работали всего два станка. 10 января (ст. стиля) 1671 г. игумен монастыря Иннокентий Гизель писал начальнику Малороссийского приказа боярину Артамону Матвееву, высказывая опасения захвата Киева поляками и боясь возможных гонений, которым могло подвергнуться монастырское братство, но о планах, связанных с печатанием книг, не сообщал ничего. Возможно, что в это время, вопреки предвидениям Гизеля, условия работы в типографии улучшились, о чем судим по тому, что в 1671 г. в ней были напечатаны второе издание книги И. Гизеля „Мир съ Богомъ челоувѣку“ и книга „О покаяніи“. Как видно, обстановка для издательской деятельности была не очень подходящая.¹⁶

В качестве лаврского наместника — первого лица после игумена — Антоний Радивилловский был в близких отношениях с главою монастыря Иннокентием Гизелем — душою лаврского книгопечатания. В совместной работе участвовал и „правитель“ типографии Иосафат, весьма просвещенный человек, обычно писавший предисловия к изданиям. Писанием предисловий занимался и Гизель. Надо думать, что „Предисловие“ к изданию 1671 г., однако, было делом самого Антония Радивилловского, достаточно искусственного в писательском труде, а главное — имевшего личные связи с издвателем книги — Думитрашко. Сколько времени было затрачено Радивилловским на подготовку книги к изданию, сказать затрудняемся. Если принять, что с Думитрашко он познакомился (к чему есть данные) в 1669 г., то выходит, что она отняла у него год—полтора. К 1671 г. у него были готовы в окончательном виде и два огромных рукописных тома „Огородка Марии богородицы“, предназначавшиеся для печати (опубликованные в 1676 г.).

¹³ Н. М. Дылевский. Димитрий Ростовский (Даниил Туптало) и болгарское Возрождение (Заметки к материалам). — *Études balkaniques*, 1966, № 4, p. 113—128.

¹⁴ Ф. Титов. Указ. соч., с. 328 и сл. *Історія української літератури*. Том перший. Київ, 1967. с. 351, 360, 377, 380, 381, 383, 404, 423.

¹⁵ Ф. Титов. Указ. соч., с. 368.

¹⁶ В. О. Эйнгорн. О сношениях малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича. — *Чтения в Обществе истории и древностей российских*, кн. IV (187), гл. VI, с. 571 и сл.

Удивительно, что об издании 1671 г. не говорят ничего ни автор обширного исследования о Радивилковском — М. Марковский¹⁷, ни А. Стороженко¹⁸, хорошо знакомый с жизнью и деятельностью Думитрашко и имевший в своем распоряжении материалы из семейного архива Думитрашковых. Не вошло оно и во многие описания книг кирилловской печати.¹⁹

Есть некоторые основания предполагать, что в Болгарию книга „Житие и Служба“ 1671 г. могла попасть вскоре после выхода из печати и вот почему. В ноябре 1671 г. в Россию (в Севск) прибыл из Болгарии Видинский митрополит Герасим с архимандритом, двумя мирянами и тремя слугами — за милостыней. Целью их путешествия была Москва. Однако вместо Москвы они были направлены пограничными властями в Киев, где им было выдано пособие.²⁰ Само собой разумеется, что в дни пребывания в Киеве они прежде всего посетили Лавру, в типографии которой к тому времени (к концу года) возможно уже было напечатано „Житие“. А в таком случае его, конечно, не преминули бы поднести в дар заезжему гостю — митрополиту из далекого отечества болгарского святого. Но ручаться за это мы не можем: во-первых, мы не уверены в точном времени выхода книги, а, во-вторых, видинский митрополит Герасим, будучи, вероятно, греком по национальности, мог отнестись к подношению равнодушно. Не исключена возможность и приобретения книги кем-либо из сопровождавших его спутников, среди которых должны были быть болгары.

В позднейшее время (в первой половине XIX в.) киево-печерское издание стало известно ревнителю болгарского просвещения и книголюбу игумену Рыльского монастыря Неофиту Рыльскому, упомянувшему его в предисловии — „Известии“ к своему изданию „Служб с житием Иоанну Рыльскому“, вышедшему в Белграде в 1836 г. Об издателе книги Неофит говорит следующими словами: „Издатель убо ея иеромонах Антоний Радивилковский, наместник Печерский... издал ю на свет в ползу душевную... Колико убо должны есмы благодарити сему... рачительному мужу!“²¹

Рыльский экземпляр (сейчас весьма плохой сохранности), судя по записи, принадлежал проигумену Пахомию (бывшему игуменом в 1836—37 гг.).²² В конце XVIII столетия книга была в руках „попа Гено“ из Плевны, оправившего ее в переплет (о чем гласит соответствующая запись). В „Реестре“ личных книг Неофита она не числится. В настоящее время в Болгарии известны три экземпляра этой редкой книги: два в „Народной библиотеке“ имени Кирилла и Мефодия в Софии и один (упомянутый выше) в библиотеке Рыльского монастыря-заповедника. Один из экземпляров Софийской библиотеки принадлежал Германскому монастырю Иоанна Рыльского (неподалеку от Софии), куда он был подарен

¹⁷ Антоний Радивилковский, южнорусский проповедник XVII века, цит. выше.

¹⁸ А. Стороженко. Указ. соч., с. 1—28.

¹⁹ Знали о ней, однако, В. Сопиков, А. Каратаев, еп. Дамаскин (Семенов-Руднев), указавший ее в своей „Библиотеке Российской“ (1881 г.), слависты П. Сырку, Э. Калужняцкий, а также историк Киево-Печерской лавры Ф. Титов (цит. кн., с. 368).

²⁰ Х. Гандев. Фактори на българското възраждане (1600—1830). С., 1943. с. 94.

²¹ О Службах Иоанну Рыльскому см. Иван Дуйчев. Рилският светец и неговата обител. С., 1947. с. 79—84 (с дополнительной библиографией).

²² Й. Иванов. Св. Иван Рилски и неговият манастир. С., 1917. с. 91.

„Величко терзия (портным) Петрови'ем“ в 1825 г. В поздней записи в другом упоминается село Мрамор Софийского округа.²³

Таковы основные черты характеристики киево-печерского издания 1671 г., являющегося первым печатным воспроизведением „Жития Иоанна Рыльского“, написанного основоположником Тырновской книжной школы Евфимием. Его предшественником по времени было издание „Жития“ святой Петки Эпиватской (в сокращенной редакции) Евфимия Тырновского, вышедшее в Венеции в 1536 г. (выпущенное книгоиздателем Божидаром Вуковичем).²⁴

* * *

Возвращаясь к создателям киево-печерского издания 1671 г., речь о которых шла выше, находим нужным отметить, что автор подробной биографии полковника Думитрашко А. Стороженко считает его выходцем из сербского рода, переселившегося в Молдавию.²⁵ Однако А. Стороженко не учел того, что „сербами“ в Румынии в те времена именовались болгары. Румынский историк Г. Маноилеску называет его молдаванином.²⁶ Вполне допустимо, что Думитрашко имел в себе что-то болгарское. Об этом как будто свидетельствует его желание издать житие именно болгарского национально чтимого святого, каким был Иоанн Рыльский, а не, скажем, Саввы Сербского, почитаемого сербским народом. На какие-то связи именно с болгарскими указывают и вклады Думитрашко в болгарскую обитель на Афоне Зограф (в Помяннике которой он фигурирует), а также в монастырь Хилендар, бывший в XVII в. в значительной мере болгарским.²⁷ Не следует в то же время упускать из виду связи с Зографским и Рыльским монастырями Молдавии и Валахии и помощь, оказываемую им молдавскими господарями.²⁸ На Украине Думитрашко появился летом 1665 г. в пределах тогдашнего Брацлавского полка (в южной части бывшей Подольской губернии) „во главе товарищества хоругвей волоских“, пришедшего с ним из-за Днестра.

С Антоном Радивилевским Думитрашко познакомился, надо полагать, в один из своих приездов в Киево-Печерскую лавру, наместником которой (и первым лицом после игумена, тогда Иннокентия Гизеля) был

²³ Б. Цонев. Опис на ръкописите и старопечатните книги в Народната библиотека в София. С., 1910. № 449.

²⁴ Хр. Кодов. Старите жития на св. Петка Епиватска. — Духовна култура, 1960 кн. 1, с. 22.

²⁵ А. Стороженко. Указ. соч.

²⁶ G. Manolescu. Dumitrașcu Raice, un găzeș moldovean ajuns polcovnic căzăcesc. — *Timocul*, 1941, VII, № 2, p. 22—24.

²⁷ Об отношениях Зографского монастыря с Киевом и Лаврою в XVIII в. более определенно пока сказать не решаемся. Знаем, что в начале столетия зографский брат Мелетий Македонский помогал в Киеве известному митрополиту Петру Могиле в его борьбе с унией на Украине, а затем был послан в Молдавию, где ему было поручено организовать печатание книг на церковнославянском языке. Через Киев проезжали в Москву и обратно и некоторые из зографских братьев, посылаемых за милостыней. О Мелетии Македонском и связях Зографа с Украиной говорится более подробно в книге П. Атанасова. Начало на българското книгопечатане. С., 1959. с. 73—83.

²⁸ Известный историк болгарской церкви акад. Ив. Снегаров допускает мысль о молдавском происхождении Думитрашко, ссылаясь на известность Рыльской обители и почитание ее основателя Иоанна Рыльского в Молдавии. См. Ив. Снегаров. Културни и политически връзки между България и Русия през XVI—XVIII в. С., 1958. с. 127—128.

Антоний. По-видимому, одним из первых посещений Лавры была поездка Думитрашко в мае 1669 г. по „обету“, данному после благополучного выздоровления от раны, полученной им в сражении под Вороньковым. Вторично он был в Киеве (и в Лавре) в том же 1669 г., в августе, сопровождая из города Остера до Киева александрийского патриарха Паисия. Никаких других фактических сведений об обстоятельствах завязавшегося знакомства Думитрашко с Радивиловским у нас, к сожалению, не имеется.

В заключение возникает вопрос — кому следует приписать почин опубликования „Жития и службы“? Мы склонны предполагать, что культ Иоанна Рыльского был привезен Думитрашко из Молдавии, что он чтился в их семье или роде, на что намекают слова о „теплейшей любви и благоговении“ в начале „Предословия“ Радивиловского...²⁹ В Киеве же Думитрашко нашел подходящие условия для осуществления своего желания и человека, взявшегося с готовностью за подготовку издания в стремлении угодить щедрому благодетелю Лавры. Предложение имени того вкладчика не могло не быть встречено благожелательно Радивиловским, ревностно трудившимся на поприще книжного делания. Не исключена возможность, что публикация „Жития“ была подсказана Думитрашко Радивиловским, уже знакомым с творением Евфимия Тырновского и располагавшим соответствующими рукописными материалами, найденными „в древних рукописанных книгах“, о чем он сообщает в послесловии „Ко читателю“.

* * *

Итак, по своеобразной прихоти истории болгарин Евфимий Тырновский, украинец Антоний Радивиловский и молдованин (может быть болгарского происхождения) украинский полковник Думитрашко оказались соучастниками общего начинания, основоположником которого был Евфимий, а завершителями, довольно неожиданными, оба последние. И Радивиловский, и Думитрашко, нимало не подозревая этого, навечно вписали свои имена рядом с именем крупнейшего деятеля болгарского средневековья в культурную летопись украинского и болгарского народов, удостоившись признательности соотечичей Евфимия, выраженной от их имени пером его далекого потомка и духовного последователя Неофита Рыльского спустя более 150 лет. Не будучи результатом непосредственных болгаро-украинских культурных связей, киево-печерское издание тем не менее представляет поучительный факт в процессе исторического общения этих двух близких славянских народов. Оно открывает перед нами далекую и почти забытую, но полную исторического смысла страницу в жизни старого украинского Киева и его просветительного очага — лаврской типографии в конце XVII столетия.

---

²⁹ Того же мнения придерживается и акад. И. Снегаров в цитированной выше книге, с. 127—128.